

Кожантаева Ж.К.
**Тенденции развития
законодательства об
ответственности за грабеж**

В статье рассматриваются основные этапы развития уголовного законодательства об ответственности за грабеж, анализируется его современное состояние. Особое внимание уделяется анализу правового регулирования грабежа в истории уголовного законодательства РК, поскольку ученые-юристы уделяют внимание участвующим проявлениям этого опасного преступления в нашей стране. Грабеж является одним из опасных и наиболее распространенных преступлений. В связи с этим особую актуальность для науки уголовного права и правоприменительной деятельности приобретают проблемы повышения эффективности борьбы с грабежом посредством применения уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: собственность, имущество, кража, грабеж, воровство, насилие, нападение, разбой.

Kozhantayeva Z.K.
**Trends in the development of
legislation on liability for robbery**

The article considers the main stages of development of criminal law on liability for robbery, analyzed its current status. Particular attention is paid to the analysis of legal regulation of robbery in the history of the criminal legislation of Kazakhstan, as legal scholars pay attention to the participation of this dangerous manifestations of crime in our country. Robbery is one of the most dangerous and the most common crimes. In this regard, problems of increasing the efficiency of the fight against looting through the application of criminal law getting particular relevance to science and criminal law enforcement activities.

Key words: property, thievery, robbery, stealing, theft, violence, attack, brigandage.

Кожантаева Ж.К.
**Тонау үшін жауаптылық
туралы заңнаманың дамуы
тенденциясы**

Мақалада тонау үшін жауаптылық туралы қылмыстық заңнаманың дамуының негізгі сатылары қарастырылады, оның қазіргі кездегі күйі талданады. ҚР қылмыстық заңнамасы тарихындағы тонаудың құқықтық реттелуін талдауға ерекше назар аударылады, өйткені ғалым заңгерлерді еліміздегі бұл қауіпті қылмыстың көріністерінің жиілене түсуі елеңдетуде. Тонау қауіпті және кең тараған қылмыстардың бірі болып табылады. Осыған байланысты тонауға қарсы күрестің тиімділігін қылмыстық құқықтық нормаларды қолдану арқылы арттыру қылмыстық құқық ғылымы мен құқық қолдану қызметі үшін айрықша көкейкесті болып табылады.

Түйін сөздер: меншік, мүлік, ұрлық, тонау, ұрлықшылық, зорлық-зомбылық, шабуыл, қарақшылық.

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ГРАБЕЖ**

Взгляды общества на преступность изменчивы. Нередко одинаковые акты поведения в разные исторические эпохи получают различную уголовно-правовую оценку. По справедливому замечанию П. А. Сорокина, "определить преступление путем указания конкретных актов, считавшихся якобы преступными всеми народами и во все времена, – дело безнадежное" [1, с. 70-71].

На протяжении всего периода развития общества грабеж является одним из наиболее древних и распространенных видов преступлений, вызывавших неоднозначную оценку современников.

В древнейших законодательных памятниках, оперирующих, как правило, понятием имущественного преступления, при его определении и указании санкций за него принимался во внимание, главным образом, завуалированный, скрытый, тайный характер посягательства. По справедливому замечанию Д. Тальберга, «история развития уголовного права всех народов указывает на одно более или менее общее явление – что в самый древнейший период жизни общества понятие грабежа остается неизвестным» [2, с. 6]. Как писал А. Богдановский, законодатель того исторического периода особую опасность видел во всех тайно совершаемых правонарушениях. Поэтому и наказывались строже обыкновенного те преступления, которые заключались в нарушении веры и верности или характеризовались особой скрытностью. В глазах древнего германца, славянина и человека всякой другой нации, как утверждал А. Богдановский, посягательство носило более опасный характер в том случае, когда оно направлялось низкими, недостойными намерениями и целями, нежели когда его совершали явно, открыто, мстя за себя [3, с. 117-118]. Аналогичное суждение было высказано и В. Сергеевичем: «В начале истории, когда каждый полагался только на свои личные силы, тайный вор возбуждал гораздо большее отвращение и более казался опасным, чем тот, кто открыто шел к своей цели» [4, с. 432].

Акцентируя внимание на тайном характере посягательства древнее право, соответственно не выделяло насильственные имущественные преступления.

Так, по древнейшим законодательным памятникам Древнего Рима (Законы 12 таблиц) грабеж - *garina* – долгое время

считался частным деликтом и первоначально полностью охватывался понятием воровства - *furtum*. Понятие "furtum" охватывало нарушение имущественных прав вообще и не совпадало с кражей в современном смысле, так как имело более широкое содержание [5, с. 528]. Впервые грабеж стал выделяться в качестве самостоятельного деликта при Сулле (138-78 гг. до н.э.) в эпоху гражданских войн. По эдикту претора Теренция Лукулла в 76 г. до н.э. "rapina" (грабежом) признавалось всякое изъятие чужих вещей, совершенное бандой делинквентов или с оружием в руках, которое наказывалось штрафом в четырехкратном размере стоимости отнятой вещи [5, с. 284].

В древнегерманском праве открытые и насильственные захваты чужого имущества вначале влекли исключительно гражданско-правовые деликты. Только случаи тайного изъятия чужих вещей причислялись к способам коварным, свойственным общественно опасным лицам. Как свидетельствуют древнегерманские памятники права, среди немецких народов грабеж не считался каким-либо бесчестным или постыдным деянием и по этому основанию противопоставлялся воровству. Позднее, взгляд на грабеж изменился: последний стал признаваться преступлением и по уровню общественной опасности был приравнен к краже. Воровство и грабеж влекли за собой одинаковые наказания, а в некоторых случаях воровство наказывалось даже строже, чем грабеж. По утверждению отдельных исследователей из имущественных преступлений памятники больше всего останавливаются на краже, которая обыкновенно по наказуемости приравнивалась к грабежу, а по германским сводам даже строже каралась.

В древнерусском праве открытые и насильственные имущественные посягательства не предусматривали особых уголовных кар. Как писал Д.Тальберг, "ни Русская Правда, ни другие памятники... не знают ни грабежа, ни разбоя в современном значении этого слова" [2, с. 7]. Видимо, в одних случаях открытое и насильственное хищение охватывалось понятием воровства, в других – признавалось ненаказуемым.

Что касается грабежа, первоначально он вовсе не выделялся в качестве самостоятельного вида преступления. Более того, этот вид посягательства не имел строго определенного понятия. Грабежом признавались насильственные, однако не всегда противозаконные действия, заключающиеся в изъятии имущественного блага, находящегося во владении другого лица [2, с.

7]. Так, по мнению одних исследователей "под грабежом понимался всякий насильственный захват чужого имущества – будет ли это действием установленной власти или личного произвола (самоуправства) или народного волнения", что обосновывалось наличием в санкции за грабеж одного из самых суровых видов уголовного наказания – "поток и разграбление". Последний заключался в изгнании преступника вместе с членами его семьи из общины и возмещении убытков за счет имущества последних, а также уничтожении и присвоении (расхищении) членами общины имущества виновного.

С точки зрения других историков-юристов, грабеж хотя и не выделялся в специальный вид имущественного преступления, но, несомненно, наказывался наравне с татьбой и под именем татьбы. Так, М.Ф.Владимирский-Буданов писал: "Древнему русскому праву (равно как и большей части права первобытных народов) неизвестен грабеж как преступление, но из этого не следует, что такое деяние вовсе не считалось преступным и не наказывалось, напротив, оно только не выделялось в особый вид из целой массы имущественных преступлений, заключенных под общим названием татьбы" [6, с. 298]. Близкая точка зрения по данному вопросу была высказана и И. Я. Фойницким: "До Соборного Уложения "татьба" была единственным термином для обозначения, с одной стороны, тайного похищения движимости, с другой – насильственного отнятия ее, не переходящего в разбой" [2, с. 8]. Такой взгляд приводит к выводу, что в древнем праве разные виды противоправного завладения чужим имуществом мало отличались друг от друга.

Как самостоятельное преступление грабеж впервые выделяется в Соборном Уложении 1649 года, по которому он относился к числу нетяжких преступлений в силу того факта, как отмечено выше, "что в старину существовал снисходительный взгляд на явное отнятие имущества" [7, с. 300]. По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, грабеж считался не более как самоуправным изъятием материального блага у другого лица после драки, возникшей по каким-либо личным или имущественным мотивам [2, с. 9]. По Соборному Уложению за грабеж предусматривалось менее строгое наказание, чем за татьбу. Так, согласно ст. 136 главы X Соборного Уложения, простой грабеж сверх возмещения убытков карался только пеней, что государь укажет, а следовательно, гораздо мягче татьбы, которая согласно ст. 9 главы XXI Соборного Уложения, если она совершена впервые, влекла за собой торго-

вую казнь, тюремное заключение на два года, отрезание левого уха и передачу имущества вора пострадавшему [4, с. 438].

Определенный вклад в разработку понятия грабежа внесло Уложение о наказании (1885 г.). Применительно к грабежу Уложение выделяло две разновидности действий и определяло его как: "во-первых, всякое у кого-либо отнятие принадлежащего ему или же находящегося у него имущества, с насилием или даже с угрозами, но такого рода, что эти угрозы и самое насильственное действие не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья или свободы того лица; во-вторых, всякое, хотя бы без угроз и насилия, но открытое похищение какого-либо имущества в присутствии самого хозяина или других людей" [8, с. 184].

Указанная дефиниция способствовала более четкому разграничению грабежа от кражи и разбоя. Однако уголовным Уложением 1903 года ненасильственный грабеж вновь объединен в один состав с кражей и обозначен единым термином "воровство", характеризующимся как тайное или открытое похищение чужого имущества.

Первые советские уголовные кодексы 1922 и 1926 годов, мало отличающиеся друг от друга в трактовке грабежа, сначала пошли по пути Уложения о наказаниях. Согласно ст. 165 УК РСФСР 1922 г. грабеж – "открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им, совершенное без насилия, или по ч. 2 ст. 165 УК РСФСР 1922 г. – соединенное с насилием" [9, с. 10].

В последующем Указом Президиума Верховного Совета от 4 июня 1947 г. "Об усилении охраны личной собственности граждан" вновь было дано более широкое понятие кражи, в результате чего, упразднив понятие грабежа, законодательство возвратилось к той ее трактовке, которая содержалась в Уголовном Уложении 1903 года, что, несомненно, на наш взгляд, явилось деструктивным не только для исследуемого понятия, но и для понятия разбоя. Поскольку содержание указанных дополнений и изменений в действующем тогда УК РСФСР 1926 года мало соотнобразовывалось с положениями содержащихся в нем статей, то система уголовно-правовых норм, посвященных охране отношений собственности, как справедливо отмечают И. Я. Козаченко и З. А. Незнамова, оказалась запутанной и противоречивой [8, с. 187].

Соответственно в юридической литературе довольно продолжительной была дискуссия о восстановлении грабежа как самостоятельного

состава преступления. Ряд исследователей считал, что оснований для введения вновь в уголовное законодательство понятия грабежа нет [10, с. 118; 11, с. 47], другие - высказывались за его восстановление [12, с. 15; 13, с. 110].

С учетом доминирующих в указанный период теоретических положений Уголовный кодекс РСФСР 1960 года (введенный в действие с 1 января 1961 г.) восстановил грабеж как самостоятельный состав преступления и определял его как открытое похищение без насилия или с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Существенной отличительной особенностью указанного кодекса являлось то, что он долгое время дифференцировал ответственность за посягательства с учетом форм собственности, закрепленную ранее в Указах Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности за хищение общественного и государственного имущества», путем выделения самостоятельных глав в УК РСФСР: преступления против социалистической собственности (гл. 2) и преступления против личной собственности (гл. 5). Такой порядок расположения указанных глав, в частности, главы «Преступления против социалистической собственности» непосредственно после главы «Государственные преступления», подчеркивал характерную для советского времени систему ценностей, приоритет охраняемых объектов и повышенную охрану социалистической собственности как экономического базиса государства.

Аналогично рассмотренной выше тенденции развития правового регулирования ответственности за грабеж периода ранних исторических эпох и начала XX века, в казахском обычном праве не существовало особого юридического понятия «имущественные преступления». Почти все виды преступлений против имущественных отношений обозначались одним названием «урлык» (воровство). Слово «урь» у казахов означает «вор». Грабеж (тонау) и разбой (шубу) хотя фактически и были известны в казахском обществе, но эти термины не имели современного значения.

Понятие грабежа (тонау) по существу не различалось от понятий разбоя и кражи. По уложению Тауке, грабеж влек за собой такое же наказание, как кража. В позднейших памятниках обычного права, в частности, в Сборнике казахского адата 1824 года, проводится определенное разграничение понятия грабежа от понятия кражи и впервые устанавливается ответственность

непосредственно за грабеж. Под грабежом подразумевался всякий насильственный захват чужого имущества, не подпадающий под понятие "барымты" и т.п. Обычно под грабежом понималось ограбление одного или двух людей, находившихся в пути следования. «Так, под словом грабеж, - говорится в Сборнике казахского адата, опубликованном во второй половине XIX века Л. Баллюзеком, - киргизы понимают те эпизоды хищнической жизни, когда хищничество ограничивается ограблением одного или двух путников, пробирающихся из одних аулов в другие, и называется тунау, т.е. отобрание платья и лошади под путником» [14, с. 261]. Под понятие грабежа также подходили отдельные случаи, когда виновный, ворвавшись в чужой дом, насильственно захватывал имущество собственника, а также организованные вооруженные нападения на аул.

Отличительной чертой грабежа являлось применение насилия. Но если насильственный захват имущества сопровождался нанесением ран, то наказание назначалось за два преступления, т.е., за грабеж и нанесение ран. По указанным нормам грабеж влек меньшее наказание по сравнению с кражей. Так, в Сборнике казахского адата 1824 года говорится: «Кто на пути кого ограбит вооруженною рукою, ограбленное возвращает сполна и сверх того платит в штраф лошадей и халат» [14, с. 261].

Не только обычное право казахов, но и древние юридические памятники некоторых других народов, как отмечено выше, ответственность за грабеж устанавливали слабее, чем за кражу. Исследователи истории права различных народов объясняют это положение тем, что на более ранних этапах развития классового общества, когда государственный аппарат был недостаточно развит, «каждый полагался на свои личные силы, тайный вор возбуждал гораздо большее отвращение и более казался опасным, чем тот, кто открыто шел к своей цели» [4, с. 421]. Возможно, на ранних этапах развития классового общества такого рода взгляды имели место у отдельных народов, и эти взгляды являлись причинами меньшей наказуемости грабежа по сравнению с кражей. Но следует, на наш взгляд, согласиться с Т.М.Культелеевым, подчеркивающим, что в этом вопросе исследователи истории права не учитывают еще одну важную особенность грабежа как уголовно-наказуемого деяния. В условиях патриархально-феодальных отношений у различных народов грабеж обычно совершался большими группами людей и сопровождался набегами на соседние племена или на

другие общины с захватом в крупных размерах чужого имущества, угоном скота, насилием над личностью и т.д. Зачастую грабеж носил характер межродовой распри и феодальных войн. У казахов, киргизов, туркмен и некоторых других кочевых народов грабеж в прошлом переплетался с барымтой, т.е., с самовольным осуществлением потерпевшей стороной права мести над обидчиками.

Грабежом, как и барымтой, занимались те, кто располагал достаточной силой и средствами. Казахские феодалы, уверенные в безнаказанности своих действий, насильственно захватывали зимовки, скот и другое имущество у крестьян-середняков и бедняков. Такого рода ограбления не преследовались в уголовном порядке. Грабеж, совершенный большими группами людей на почве феодальной междоусобицы, также не преследовался в уголовном порядке, а решался превосходством сил враждующих сторон или на собраниях общин. В условиях патриархально-феодальных отношений почти каждый случай грабежа приводил к массовому преследованию виновного потерпевшей стороной, а поэтому совершение его в одиночку было редким явлением [14, с. 262].

Составители Сборника казахского адата 1824 года, говоря о меньшей наказуемости грабежа по сравнению с кражей в нормах казахского обычного права, вероятно, как отмечает указанный автор, имели в виду именно такого рода грабежи, совершаемые отдельными лицами. Таким образом, меньшую наказуемость грабежа по сравнению с кражей, на наш взгляд, надо объяснять не только воззрениями на грабеж, как на сравнительно менее опасное преступление, но и его классовым и политическим характером при патриархально-феодальном строе у различных народов.

В связи с присоединением Казахстана к России и принятием Устава М.Сперанского (1822 год), дела по грабежам были изъяты из подсудности суда биев и переданы общеимперским судам. При этом в законодательстве царского правительства различались понятия грабежа, совершаемого с насилием и без него. Грабеж, совершаемый без насилия, т.е., открытое похищение чужого имущества, подлежал разбирательству суда биев.

Под влиянием изменений, происшедших в области социально-экономических отношений в Казахстане, приведших, в частности, к ликвидации междоусобиц, и под воздействием уголовного законодательства царизма к началу второй

половины XIX века грабеж, совершаемый большими группами людей, стал редким явлением среди казахского населения. Со второй половины XIX века грабеж стал проявляться, главным образом, в виде открытого похищения чужого имущества с применением или без применения насилия, совершаемого одним или несколькими лицами. Вместе с тем, в казахском обычном праве стало четко различаться понятие грабежа от понятия кражи. В Сборнике казахского адата, опубликованном во второй половине XIX века П. Маковецким, указывалось: «...насилие, составляющее отличительный признак грабежа, выделяется у киргизов в самостоятельное преступление, влекущее за собой отдельное наказание. Некоторое различие имеется, впрочем, и в названиях: грабитель называется «зорлауши», т.е. берущий силой, а похищающий вещь тайно «урь», т.е. вор» [14, с. 263]. Таким образом, отличительными признаками грабежа от кражи по нормам обычного права стали насилие и открытый характер похищения.

Наказуемость грабежа по нормам обычного права второй половины XIX века была установлена не слабее, а иногда даже строже, чем за совершение кражи. В Сборнике казахского адата, опубликованном во второй половине XIX века Л. Баллюзеком, говорится: «...в случае открытия т.е. грабежа наказывается сверх возвращения ограбленного и отобрание из-под всех ограбивших хищников лошадей, равно оружия и платья с них, тогузами: из которых один идет в пользу ограбленного, один – в хандык и один – в бийлик, жасаул-ақы и даучеге жип кесер. Затем взыскивается вознаграждение или суюнча в пользу того, кто открыл хищника». Обстоятельствами, увеличивающими строгость наказания за грабеж, являлись: ночной грабеж вооруженным путем и грабеж у однородцев.

С 1924 по 1958 год в связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик и вхождением в состав его Казахской ССР на территории последнего действовало законодательство РСФСР, краткая характеристика которого представлена выше.

В первоначальной редакции первого Уголовного кодекса Казахской ССР, принятого 22 июля 1959 года (введенного в действие с 1 января 1960 г.), кража применительно к преступлениям против личной собственности определялась как тайное или открытое похищение имущества при отсутствии насилия (ст. 132 УК КазССР). Грабежом указанный кодекс признавал только похищение личного имущества, соединенное с угрозой на-

силия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, или с применением такого насилия (ст. 133 УК КазССР). Что касается преступлений против социалистической собственности, то ст. 76 УК КазССР охватывала кражу, присвоение, растрату или иное хищение государственного или общественного имущества, не выделяя, таким образом, грабеж как самостоятельный способ хищения. Позже в целях стабилизации судебной-следственной практики в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Казахской ССР от 21 июля 1961 года, ст. 76 УК КазССР заменена статьями 76–76-4. В числе указанных статей ст.76-1 предусматривала ответственность за хищение государственного или общественного имущества путем грабежа, разграничивая простой грабеж как открытое хищение (ч. 1 ст. 76-1 УК КазССР) и квалифицированный грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего лица, либо с угрозой применения такого насилия (ч. 2 ст. 76-1 УК КазССР). Аналогичная дифференциация простого и квалифицированного грабежа была сохранена в ст. 133 УК КазССР, предусматривавшей ответственность за грабеж личного имущества граждан.

Дальнейшее развитие уголовного законодательства Казахской ССР было обусловлено происшедшими в начале 90-х годов социально-экономическими и политическими преобразованиями государства и общества. Действовавшая в то время система правовых норм, направленная на охрану неприкосновенности государственного, общественного и личного имущества, перестала быть адекватной реалиям дня. Конституция Казахской ССР 1993 года провозгласила равенство всех форм собственности в Казахстане. Соответственно, Указом Президента Республики Казахстан, имеющим силу закона, от 12 мая 1995 года из Уголовного кодекса Казахской ССР была исключена глава V «Преступления против личной собственности граждан», а статьи 76-1 и 133 были объединены и включены в главу «Преступления против собственности», в связи с чем ответственность за грабеж, независимо от форм собственности, регулировалась статьей 76-1 УК Казахской ССР.

В новой редакции статья 76-1 УК Казахской ССР определяла грабеж как открытое похищение чужого имущества, не выделяя насильственного грабежа, что вновь возобновило дискуссию и справедливую критику ограниченного понятия грабежа.

Уголовный кодекс Казахской ССР действовал более 35-ти лет, имел значительное количество изменений и дополнений, как указано выше, но он уже не соответствовал социально-экономическим и политическим преобразованиям государства и требовал дальнейшего своего развития. С учетом изложенного Указом Президента Республики Казахстан от 16 июля 1997 года был принят Уголовный кодекс Республики Казахстан, при разработке которого учтены теоретические достижения отечественной науки уголовного права и сложившаяся судебная практика. При этом, Уголовный кодекс Республики Казахстан 1997 г. является концептуально новым по своей структуре и по содержанию отдельных конкретных правовых норм.

Что касается грабежа, то в соответствии со статьей 178 УК Республики Казахстан от 16 июля 1997 года в отличие от последней редакции ст. 76-1 УК КазССР им признается “открытое хищение чужого имущества; квалифицированным составом является грабеж, совершенный с применением насилия не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия”, то есть, возвращено понятие грабежа, содержавшееся в первоначальной редакции ст. 76-1 УК КазССР.

Аналогичное определение понятия грабежа дано и в ст. 191 нового Уголовного кодекса РК от 3 июля 2014 года.

Таким образом, современное законодательство Республики Казахстан проводит четкое разграничение между понятиями грабежа, кражи и разбоя. Подобные дефиниции грабежа содержат Уголовный кодекс Российской Федерации и, как правило, большинство уголовных кодексов стран Содружества Независимых Государств, за исключением отдельных различий в квалифицирующих признаках и санкциях соответствующих статей.

Несколько иной, причем неоднозначный подход к понятию грабежа отмечается в законодательстве стран дальнего зарубежья. Проведенный сравнительный анализ законодательства этих отдельных стран показал, что в преобладающем большинстве из них уголовный закон не оперирует понятием грабежа. Так, отсутствует дефиниция грабежа в законодательстве Германии, Польши, Швейцарии, Франции, США, Англии. Значительная часть указанных стран конструирует квалифицированные составы краж по признаку применения насилия к потерпевшему, поглощая тем самым понятие грабежа составом кражи (Германия, Швейцария, Англия) либо общим понятием хищения или преступлениями

против собственности (Франция).

Некоторыми особенностями законодательно-регулируемого грабежа отличается Уголовный кодекс Испании, в соответствии с которым преступные деяния против собственности объединены в главе «Преступления против собственности и социально-экономического порядка». В числе их выделяются составы мелкой кражи и кражи, совершенной с насилием. Согласно ст. 239 УК Испании виновным в краже с насилием (ограбление) признается лицо, которое с целью наживы завладевает чужими движимыми вещами, применив силу, чтобы открыть доступ к ним. Специфика испанского уголовного права состоит в том, что причиненные в процессе кражи с насилием (ограблении) жертве телесные повреждения не охватываются данным составом и подлежат самостоятельной квалификации по соответствующим статьям Уголовного кодекса.

Некоторое своеобразие в определении грабежа имеет законодательство США, в соответствии с которым ограбление рассматривается как насильственное хищение. Согласно § 160.00 УК штата Нью-Йорк, лицо насильственно похищает имущество и совершает ограбление, если в ходе совершения кражи оно применяет или угрожает немедленным применением физической силы против другого лица.... Как видно из дефиниции, ограбление представляет собой насильственную кражу. Достоинством этого определения является достаточно подробное указание на цели применения физической силы или угрозы ее применения.

В американском уголовном праве выделяется ограбление первой, второй и третьей степени (фелония класса В, фелония класса С, фелония класса D), соответственно которым дифференцируется наказание. Лицо виновно в ограблении первой степени, если оно насильственно похищает имущество и в ходе совершения преступления или непосредственно во время бегства с места преступления оно или другой участник преступления:

- 1) причиняет тяжкий телесный вред любому лицу, не являющемуся участником преступления;
- 2) вооружено смертоносным оружием;
- 3) применяет опасное орудие или угрожает его немедленным применением.

Данное деяние является фелонией класса В (наказывается тюремным заключением на срок до 25 лет).

Ограбление второй степени имеет место в случае, когда:

1) исполнителю помогает другое лицо, присутствующее на месте преступления;

2) в ходе совершения преступления или непосредственно во время бегства с места преступления исполнитель (или другой участник преступления) причиняет телесный вред любому лицу, не являющемуся участником преступления, или угрожает (как это представляется потерпевшему) огнестрельным оружием.

Это преступление считается фелонией класса С (наказывается тюремным заключением на срок до 15 лет).

Лицо виновно в ограблении третьей степени, когда оно насильственно похищает имущество. Данная разновидность ограбления является фелонией класса D (наказывается тюремным заключением на срок до семи лет).

Анализ законодательства США дает возможность сделать вывод о том, что отождествлять состав ограбления в американском варианте и состав грабежа в том виде, в каком он предусмотрен в Уголовном кодексе Республики Казахстан, ошибочно, поскольку состав ограбления включает в себя как признаки грабежа, так и разбоя. Наибольшее сходство грабеж по Уголовному кодексу Республики Казахстан имеет с ограблением третьей степени.

В Англии вопросы уголовной ответственности за преступления против собственности преимущественно регламентированы законодательством. В соответствии с Законом о краже (1968 г.) лицо виновно в совершении ограбления, когда оно крадет имущество и непосредственно перед или во время совершения деяния применяет силу с целью его совершить или вызывает страх у лица угрозой применить силу [15, с. 366]. Максимальный срок наказания за ограбление – пожизненное тюремное заключение.

Таким образом, ограбление по английскому праву представляет собой кражу, совершенную с насилием или угрозой его применения. Конечно же, состав ограбления шире состава грабежа по Уголовному кодексу Республики Казахстан. Однако некоторые деяния, например выхватывание

сумочки из рук потерпевшей, и по английскому законодательству, и по уголовному законодательству Республики Казахстан будут квалифицированы одинаково.

Специфика законодательства Китая заключается в том, что это единственный Уголовный кодекс из изученных нами стран, который оперирует термином грабеж при отсутствии его дефиниции. Более того, УК Китая содержит специальные составы хищений. Так, согласно ст. 127 УК Китая, кража, грабеж, разбой со стрелковым оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет; при отягчающих обстоятельствах – пожизненным лишением свободы либо смертной казнью.

Обращает на себя внимание своеобразная позиция, имеющаяся в уголовном законодательстве Польши, в котором состав грабежа отсутствует так как он поглощается понятием кражи. В то же время, вместо грабежа в УК Польши содержится другой состав. В частности, согласно ст. 281 подлежит наказанию лицо, которое с целью удержания изъятой вещи непосредственно после совершения кражи применяет насилие к лицу или угрожает немедленным его применением, либо приводит человека в бессознательное или беспомощное состояние.

На основании вышеизложенного, следует прийти к выводу, что в отличие от действующего Уголовного кодекса Республики Казахстан уголовное законодательство дальнего зарубежья сохраняет в целом тенденцию правового регулирования грабежа, сложившуюся на ранних стадиях развития общества, что представляется недостаточно обоснованным в криминологическом и социально-правовом плане.

Соответственно, с учетом целесообразности обобщения мировой практики для дальнейшего совершенствования действующего законодательства и практики его применения, проблема борьбы с грабежом, в том числе и уголовно-правовыми мерами остается актуальной и требующей дальнейшего теоретического осмысления.

Литература

- 1 Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1991. – 544 с.
- 2 Безверхов А. Грабеж и разбой в древнем и средневековом праве // Уголовное право. – 2001. – №2. – С. 6-9
- 3 Богдановский А. Молодые преступники. – СПб: Тип. А. Могилевского, 1871. – 301 с.
- 4 Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. 3-е изд. – СПб: 1903. – 664 с.
- 5 Римское частное право: Учебник. Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. – М.: Юрист, 1997. – 544 с.
- 6 Владимирский – Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на Дону, 1995. – 640 с.
- 7 Малиновский И. Лекции по истории русского права. – Р-н-Д, типография Дон. акц. о-во печ. и изд. дела, 1916. – 358 с.

- 8 Уголовное право. Особенная часть. Учебник. Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М.: ИНФРА М-NORMA, 1998. – 768 с.
- 9 Ераксин В.В. Ответственность за грабеж. – М.: Юридическая литература, 1972. – 128 с.
- 10 Макашвили В.Г. Проекты УК союзных республик о видах похищения имущества // Советское государство и право. – 1959. – №8. – С. 117-120;
- 11 Гельфер М.А. Ответственность за преступления против личной собственности граждан // Социалистическая законность. – 1958. – №9. – С. 47-50
- 12 Юровский Д. Кодификация уголовного законодательства // Социалистическая законность. – 1957. – №12. – С. 13-17;
- 13 Кузнецова Н.Ф. О квалификации разбойного нападения // Советское государство и право. – 1957. – №9. – С. 109-113.
- 14 Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов: (С момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти). – Алма-Ата: Казахстан, 1955. – 302 с.
- 15 Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. Под ред. С.П. Щербы. – М.: ЮрЛитИнформ, 2009. – 448 с.

References

- 1 Sorokin P.A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. – М.: Politizdat, 1991. – 544 s.
- 2 Bezverhov A. Grabez i razboj v drevnem i srednevekovom prave // Uголовное право. – 2001. – №2. – С. 6-9
- 3 Bogdanovskij A. Molodye prestupniki. – SPb: Tip. A. Mogilevskogo, 1871. – 301 s.
- 4 Sergeevich V. Lekcii i issledovanija po istorii russkogo prava. 3-e izd. – SPb: 1903. – 664 s.
- 5 Rimskoe chastnoe pravo: Uchebnik. Pod red. I.B. Novickogo i I.S. Pereterskogo. – М.: Jurist, 1997. – 544 s.
- 6 Vladimirskij – Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. – Rostov-na Donu, 1995. – 640 s.
- 7 Malinovskij I. Lekcii po istorii russkogo prava. – R-n-D, tipografija Don. akc. o-vo pech. i izd. dela, 1916. – 358 s.
- 8 Uголовное право. Osobennaja chast'. Uchebnik. Отв. ред. I.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М.: ИНФРА М-NORMA, 1998. – 768 с.
- 9 Eraksin V.V. Otvetstvennost' za grabez. – М.: Juridicheskaja literatura, 1972. – 128 с.
- 10 Makashvili V.G. Proekty UK sojuznyh respublik o vidah pohishhenija imushhestva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1959. – №8. – С. 117-120;
- 11 Gel'fer M.A. Otvetstvennost' za prestuplenija protiv lichnoj sobstvennosti grazhdan // Socialisticheskaja zakonnost'. – 1958. – №9. – С. 47-50
- 12 Jurovskij D. Kodifikacija uголовного zakonodatel'stva // Socialisticheskaja zakonnost'. – 1957. – №12. – С. 13-17;
- 13 Kuznecova N.F. O kvalifikacii razbojnogo napadenija // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1957. – №9. – С. 109-113.
- 14 Kul'teleev T.M. Uголовное obychnoe pravo kazahov: (S momenta prisoedinenija Kazahstana k Rossii do ustanovlenija Sovetskoj vlasti). – Alma-Ata: Kazahstan, 1955. – 302 с.
- 15 Dodonov V.N. Sravnitel'noe uголовное pravo. Obshhaja chast'. Pod red. S.P. Shherby. – М.: JurLitInform, 2009. – 448 с.